

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Что влечет их на выставку классика!

В залах не ожидается злободневных политических диспутов. Скандалов не предвидится — ну, гений, ну, основоположник — вряд ли какой-нибудь неопит сейчас оспорит это. Нет на выставке и его прославленных шедевров — ни «Пожара жирафа», ни портретов Ленина, Гитлера, Хрущева, ни «Космического Христа» — за показ их пришлось бы платить миллионную страховку. Устроители не рассчитывали на массовость, выставка камерная, научная, для знатоков, дилеров, для покупателей. Так почему же такой лом? Почему ОМОН в дверях стоит?

Может, причина — особая «духовность» нашей публики? Но, увы, такой же хвост стоит и в Центре Помпиду, и в Нью-Йорке этим летом — на выставки и вечера битников, американских «шестидесятников» и даже «пятидесятников», детей сюрреализма.

На стенах теснятся графика, повешенная впритык, в два ряда. Коммерция диктует композицию. Такая же теснота и в зале. Над головами невидимым бельэтажем парят духи благородного возмущения, усопших табу, политических истин.

Сюр? Гигантский ноготь автономно бродит по парку. Рядом крохотная фигурка ангела. Нос и губы, разделившись, добились суверенитета. Остров Крым вот-вот обрубит канаты. Оборваны связи. Телевизионный фантом Лены, — надежда миллионеров, с припадной ухмылкой бросает вызов государству со всей его армией, Госдумой, банками, ядерным потенциалом. В валютных дырах швейцарского сыра кишат кишечные палочки. То, что раньше казалось параноидальным сновидением, стало не сюр, а просто реальность.

Помню, я летел над тайгой, и вдруг засосало под ложечкой, — снизу открылись выбритые наголо многокилометровые квадраты — не то корейцы, не то японцы сводят лес, — зияла пуста, как на пейзажах Дали. Чур, меня, сюр!

С картин уставилась такая же пуста, она беспокоит, как прицел неизвестного киллера.

А вдруг сбылась дадаистическая строка-стихотворение, которую совместно написали когда-то собраты художника сюрреалисты Андре Бретон, Поль Элюар, Макс Эрнст и Луи Арагон?

«Изысканный труп будет пить молодое вино».

Молодая Москва становится в очередь на Дали.

По-русски название «Дали без границ» звучит удачнее, чем по-французски или английски. За Далими Дали.

«Сюр» зеркально читается как «рюс». И тогда, когда возникло это самое креативное сердцевинное движение века, Россия была проблемой для мира. Она восхищала, ужасала, как и сейчас, кто с сочувствием, кто с презрением, но все обсуждают нас. И на всех композициях присутствует Россия в образе его русской жены Галы, в виде ее профиля, улыбки, отсут-

ствия, взгляда. Нос Гоголя принохивается к носу парфюмерного флакона.

Испания и Россия — два симметричных окончания Европы, у них много общего в менталитете, в понимании поэзии и живописи как религии.

Рюс — сюр.
«Симметрия принадлежит мне» — называется одна из литографий. На телеэкране — два сына, два Сергея, отмывают симметричных папаш.

Два семьянина-пузана, Х и Б, в одинаковых косоворотках х/б, как песочные часы, пересыпают друг в друга казни и либеральные идеи, аресты и амнистии. Один крап бомбу у чужестранцев, другой из любопытности взорвал ее над неподозрительными сибирскими деревнями.

Шлепнули до суда. На суде за-

клеимил Дали как монархиста и изобрел из его имени Сальвадор анаграмму: «слабоват на долла-ры».

Мне довелось беседовать и бывать у мэтров, основоположников движения — и у Пикассо, и у Арагона, и у Мура, и у Матты, — для них Дали был падший ангел сюра, исключенный из рядов, но его озарял свет их юности.

Не буду оправдывать и себя — я уклонялся от предложений встретиться с ним — меня пугала не столько его «правая» репутация (Хайдеггер был не менее «реакционен», но я не внял табу моих либеральных друзей), сколько его флигельство на публику, глумление над людьми. Я боялся испортить впечатление. Предпочитал общаться с его вещами.

Вот развешаны листы золотых иллюстраций к Библии. В свое вре-

СЮР

ЗАМЕТКИ ОБ АКАДЕМИЗМЕ-XX

Ставили каяться двойника. Интересно, а двойника шлепнули? Вот это был хэппенинг в стиле сюра!.. Шоумен эпохи ТВ бил туфлей в ООН. Как Дали завидовал тогда этому сюр-жесту!

«Сюрреализм — это я» — как по-иную читается сейчас эта фраза, сказанная художником в пику Андре Бретону. Сюрреализм это — «я», т. е. личность, индивидуальность, в противовес стадности классов, поколений. Не в эпатжных интервью «на публику», а в рисунках мы видим дактилоскопию внутреннего «я» художника. Мы видим, как объективен и самокритичен был мастер, когда давал оценки собратям по 20-балльной системе. Веласкес, Вермейер, Рафаэль, Пикассо у него получили по «20» в графе «гениальность». Себе же он ставит только «19». Зато в графе «тайна» он себе ставит «19» против «2» у рационалиста Пикассо.

Поколения прошли, низанные на шампуровые его усов. Для его друзей сюрреализм был лишь школой, они прошли ее, сгнули в политику, Арагон стал сталинистом, Бретона увлек троцкизм, Дали остался один верен сюри и тайне. Думаю, как художники, его друзья тяготились своей политической закабаленностью.

Андре Бретон, например, встретил меня на пороге, огорчив сюр-вопросом: «Что на что похоже — биде на гитару, или гитара на биде?» Мне вопрос показался архаичным, но я вежливо ответил. Прощаясь, он спросил: «А вы не боитесь, что я напечатал вас в своем журнале — с моим-то политическим лицом?!» Он возмущался ярлыками, навешанными на него, на поэта, между тем сам

я эта книга «Золотой Дали» спасла если не жизнь, то год моего существования. Я бедствовал. «Золотой Дали» — номерной экземпляр, единственная ценность, что у меня оставалась. Владимир Высоцкий помог продать ее через своих знакомых. Потом я искал ее, хотел выкупить обратно, но тщетно.

Какой странный ангел! На лицо надета пуста, как чулок или маска омовца во время операции. Плечевые мышцы как у качка, а из груди вырезано кубическое пространство. Чем притягивает нас этот образ?

Именно на этой выставке («малого Дали») мы вдруг увидели мастера без маски, разглядели блистательного рисовальщика, виртуоза граверной иглы и китайской кисточки, покрывшего километры своим скрупулезным штрихом.

Другому на несколько жизней хватило бы такого труда! В иллюстрациях к Дон Кихоту он изобретатель, как Леонардо, он обстреливает литографский камень пулями и ракушками, начиненными краской, достигая тончайшего эффекта печати.

«Надо было возвратиться к благородному достоинству цветов окиси серебра и оливкового, которыми пользовались Веласкес и Сурбаран, к реализму и мистицизму, которые, как выяснилось, были сходны и неотделимы...» (цитирую по «Дневнику одного гения»).

«Найди в живописи квант действия», он знает, как соединить распавшийся мир. Думаю, это неосознанно влечет к нему сегодняшних москвичей, жителей уже другого столетия, потерявших симметрию, с вакуумом в душе, изверившихся в дилетантской болтовне. Они видят в нем крепкую руку и

душу геометра-профессионала, они пытаются понять его код. Как соединить разъятый мир? Сознание? Каковы законы новой композиции? Какой тайной сцеплены его картины, как бы случайные, но обретенные метафизическую форму — крепкую, хоть гвозди забывая!

Здесь мы сталкиваемся с незамеченной ранее чертой ушедшего века — с его особым академизмом, академизмом трансцендентальным.

Академизм-XVII дал Лоррена и Пуссена. Академизм-XVIII воплотился в Робере, Ватто, Давиде. Академизм-XIX — это Энгр, А. Иванов, Ренуар.

Академизм-XX сконденсирован в Дали. Полуголом Пикассо шли джинсы, Бретону — его кофта, голубой бархатный блейзер облегал Арагона, но фрак академизма подходит только Дали. Век недоб-

ать по-латыни. Для нее это естественно. Для остальных — неорганично как гипсовые бюстики пионеров и вождей.

Сейчас по интересной идее Г. Энциенсбергера я занят составлением своей антологии из 12 стихотворений мировой поэзии последнего десятилетия. Проплистав тонны томов, убеждаешься, что удачи лежат в области академизма-XX. Может быть, этим объясняется неожиданный для прогнозистов прилив интереса к поэзии в мире за последний год — не такой еще как в 60-х, но осязательный книгопродавцами и билетерами. Одно из доказательств — успех 25-летнего юбилейного фестиваля в Роттердаме.

Все это — и поп-арт, и Action Painting, и точки Лихтенштейна мы можем различить в набросках сегодняшней выставки. Все они вышли из хобота Дали. Самая сильная и незнакомая серия экспозиции — «Фрукты и цветы Дали» — одушевленные мысли гигантов цветов, написаны задолго до Чернобыля. Режет глаза бабочка цвета акеновского пальто юной поры.

Тут меня подстерегает досадная опечалка.

Чудовищная маргаритка превращена в яичницу с желтком посередине. Проставлена дата — «1969». Примерно в это же время я написал:

...Среди щавелевых полей,
ромашки — как крутые яйца,
разрезанные пополам.

Какой удар со стороны классики! Придется теперь снимать стихи из сборников. Хотя я и не знал этого рисунка, но если мысль кем-то найдена, она уже не только твоя. Но какое визуальное притяжение желтка на белом!

В 59 г. у меня была еще одна подобная строка: «Купола горят глазами на распалых снегах». Но это относилось тогда к хрущевским гонениям на церкви, купола безжонно жарили на дьявольских сковородках.

Когда б вы знали,
из какого сюра

Растут стихи,
не ведая стыда!..

Когда-то, открывая мой вечер в нью-йоркском Таун Холле, Роберт Лоуэл так определил мой генезис (простите, читатель, за лестную цитату, но это, так сказать, в жанре Дали): «Вознесенский пришел к нам с беспечной легкостью 20-х и Аполлинера. Сюрреализм сочится через его пальцы. Это прежде всего первоклассный мастер, который сохраняет героическую выдержку и вдохновение быть и оставаться самим собой...»

Дальше шли еще более немилые комплименты. Понятно, у меня поехала крыша от счастья, я был абсолютно согласен со столь скромной характеристикой моего выдающегося творчества. Но дальше!.. Великий американский поэт, оглядев зал из-под очков, брякнул: «Он, как и всякий поэт, проты правительств. Наши обе страны имеют сейчас самые отвратительные правительства...»

После вечера мне предложили опровергнуть это. Хотя бы во второй половине — о Советском правительстве. Я отказался. И пошло-поехало. Кончился постановлени-

ем Секретариата, осуждающим меня, и закрытием выездной визы. Оказывается, действительно не просто оставаться самим собой. Сейчас все это кажется смешотворным. Чур меня, сюр!

Муравей ползет по животу космической Венеры. Помню, как в лесничестве хозяин, который приютит меня, пользует собой ревматизм. У него были два мешка, один из мешковины, другой, коробящийся, из брезента. Вроде краги или сюрреалистических галифе. Мы с ним наполнили их трухой муравейника вместе с муравьями, тьмой, яичками. Лесник, кряхтя, крестьян и приняв дозу, напаяливал их на себя. И страдал, мазохистовал. Пунцовел. «Забирает, — кряхтел, — знаешь, даже паралитиков пробирает...»

Может, муравьи Дали — лечебные? Муравей, муравей, излечи нас от паралича сознания, спаси экономику, спаси наивных халыщиков, бомжей, беженцев, хотя бы пенсионерам помоги — сердце разрывается... Мы попали в сюр-ситуацию, только сюр-идея может спасти. Чур меня, сюр!

«Лида! — позвал кто-то служительницу галереи. — «ЛидалидалидалиДали...» — ответило эхо.

Все больше зеленых и красных наклеек прилеплено к рамкам. Это означает, что вещи покупаются. Впервые в нашей стране идет вернисаж-продажа такого класса. Цены ниже мировых стандартов. Галстуки Дали. Часы Дали, крохотные позолоченные копии знаменитых «текущих часов» тикают и текут на руке. А вдруг и правда искусство может поладить с рынком? Муравей, муравей, помоги нашей культуре. Толстые журналы совсем загнулись. Помогите Б. Чичибабину с его скудным рационом, помогите десяткам прекрасных поэтов, оставшихся без гроша.

Новые русские инвестируются в «ценные бумаги Дали», как художник называл свои автолитографии. Казалось бы, зачем банку «Эскадо» спонсировать эту выставку АО «Крымский вал»? Могли бы яхту купить или виллу в Крыму. Жители XXI века инвентаризуют культуру века минувшего. Пожалуй, новое поколение предпочитает в культуре академизм-XX.

Взгляните на стиль новых журналов, родившихся в этот год. Это не джинсовая «Юность», рожденная оттепелью. Они отпечатаны блистательно, с визуальным вкусом, как каталоги галерей или музеев. «Обозреватель», «Элита», «Домовой», «Империал», — все разные, но все они в лаковых туфлях.

Текли жуки.

Текли часы с отливом...

Как под щипцами у часовщика... Тут я должен прерваться. Звонят учителя, приехавшие из Рослякова Североморского района Мурманской области. Просят помочь школе № 4 обустроить их Музей Пастернака.

— А что, школьники читают, любят Пастернака?

— Да, — отвечает трубка, — еще как! (телефон, как всегда, барахлит).

— Да? — переспрашиваю я.
— Да ли? — переспрашивает эхо.